

Петр Немировский

СПАСТИ УБИЙЦУ

Из записок нью-йоркского психотерапевта

Повесть

Содержание

У каждого свои проблемы

Иван и его палач

Психиатрия и тирания

Эпилог

У каждого свои проблемы

Глава 1

«Время уже близилось к ланчу, когда секретарша, наконец, постучала по стеклянной перегородке, отделявшей регистратуру от зала ожидания, и жестом подозвала Германа. Сказала, что Ричард Грубер ждет его в своем кабинете.

– Мистер Генри, входите! – заведующий клиникой или, как его называли коллеги, «Психиатр номер один», приподнялся в кресле. Он произнес имя Германа с ошибкой, вероятно, по созвучию с американским именем. – Рад познакомиться. Извините, что заставил вас ждать.

– Я тоже рад с вами познакомиться, – ответил Герман, протягивая руку.

– Значит, вы направлены к нам в интернатуру, – Ричард Грубер снова сел в кресло и внимательно посмотрел на нового практиканта.

Перед ним стоял худощавый черноволосый мужчина лет тридцати семи-восьми, аккуратно одетый. Все пуговицы белой рубашки застегнуты, узкий черный галстук спускается строго вертикально под сходящиеся лацканы пиджака. Брюки отглажены, туфли блестят. В общем, придраться не к чему.

Нельзя сказать, что Ричард Грубер был черств и безразличен к людям, отнюдь нет. Но проходить практику в его клинику постоянно направлялись «интерны» – будущие психиатры, психотерапевты, социальные работники, медсестры. Набравшись кой-какого опыта, они уходили, и на смену им тут же прибывали новые. Поэтому запомнить всю эту армию будущих работников системы здравоохранения мистер Грубер был абсолютно не в состоянии.

Сам он выглядел вполне представительно, в его облике, как говорят, «чувствовалась порода». Держался с достоинством, подобающим должности, говорил не спеша, используя простые и точные выражения.

У него было умное, приятное лицо англо-саксонского типа и густая темная шевелюра. Благодаря бережному отношению к себе, здоровому образу жизни (бассейн, низкокалорийная пища, целительные кремы для кожи, специальные массажеры и приспособления по сжиганию жира) и определенному набору средств для поддержания внешней и, как он любил выражаться, внутренней гигиены, доктор Грубер сумел добиться завидных результатов – в свои шестьдесят он находился в великолепной форме.

– Где вы сейчас учитесь? – спросил он Германа, легонько барабаня по столу пальцами.

– В Нью-Йоркском Институте гуманитарных наук.

– Что ж, неплохо. Полагаю, уже имеете некоторый врачебный опыт, уже работали с больными?

– Да, два года проходил практику в амбулаторных клиниках в Гарлеме и Бронксе.

– И сколько же вам остается учиться?

– Это мой последний год учебы в институте и моя последняя практика.

– Значит, вы уже без пяти минут доктор, – пошутил заведующий, взглянув на часы, висевшие над головой Германа. – Если не секрет, откуда вы родом?

– Из России, из Санкт-Петербурга.

– О, Сэйнт-Питэрбух! Много слышал об этом городе. К сожалению, никогда там не бывал. А в России вы тоже работали в психиатрии?

– Нет, там я изучал философию.

При слове «философия» на лице заведующего отразилось нечто похожее на удивление. Надо было чем-то заполнить пустоту, о чем-то разговаривать с этим, кажется, немножко нагловатым практикантом.

– Признаюсь, я в философии не силен. Правда, когда-то в юности пробовал читать Шопенгауэра... – он щелкнул пальцами, пытаясь припомнить имя немецкого философа. – Ну, наконец-то! Мы вас уже заждались! – воскликнул он, когда дверь отворилась. – Разрешите, Генри, представить вам миссис Сандру Уилсон. Она будет вашим супервайзером в течение года.

Герман поднялся и, шагнув навстречу, протянул руку вошедшей женщине – невысокой, в белом врачебном халате. На вид ей было около пятидесяти.

– Сандра – психотерапевт с многолетним стажем. Не сомневаюсь, что вы с ней сработаетесь и наберетесь у нее ценного опыта, – сказал заведующий.

– Конечно, сработаемся, – улыбнулась женщина. – Да, Гарри?

– Да, – ответил Герман, уже несколько раздраженный тем, что за последние пятнадцать минут его имя ни разу не произнесли правильно.

– Жду вас завтра в своем кабинете в девять, нет, лучше в десять утра. О'кей?

– Желаю удачи. Если возникнут какие-либо вопросы, жалобы, мой кабинет для вас всегда открыт, – сказал Ричард Грубер и, не переставая улыбаться, указал Герману на дверь: мол, все вопросы решены, и делать мистеру студенту в кабинете заведующего уже абсолютно нечего. Тем более что до ланча оставалось ровно пять минут».

xxx

Если бы я был профессиональным писателем, то, пожалуй, так бы начал описание событий, сыгравших поистине роковую роль в моей жизни.

Но, увы, мои литературные способности весьма заурядны. По образованию я – философ, когда-то окончил факультет философии в Питерском университете. Поступил в аспирантуру. Но, разочаровавшись в философии, не закончил диссертацию и бросил аспирантуру. Не знал, что делать дальше. С женитьбой у меня тоже как-то не складывалась.

И вдруг – выиграл в лотерею гринкарту! Практически не раздумывая, сложил вещи и полетел в Штаты.

Очувившись в Нью-Йорке, некоторое время решал, какую специальность выбрать. В итоге выбрал психотерапию.

Вот, собственно, предыстория моего появления в кабинете Ричарда Грубера – заведующего амбулаторной психиатрической клиникой госпиталя в Бруклине.

Глава 2

Для начала Сандра предложила мне ознакомиться с другими психиатрическими отделениями. Помимо амбулаторной клиники, в госпитале имеется отделение «Психиатрической скорой помощи», а также психбольница, которую сами больные шутливо называют «ку-ку хауз» (дом кукушки)*.

По словам Сандры, любому психотерапевту полезно знать, так сказать, круговорот пациента: каким образом он попадает из «скорой» в психбольницу, а потом – и в амбулаторную клинику. К тому же Сандра уходила в отпуск и не хотела, чтобы в ее отсутствие я болтался без дела. Поэтому я отправился в отделение «Психиатрической скорой».

Больных туда, как правило, доставляют в машинах, и нередко – в сопровождении полиции. Не всё там так ужасно, не всё. Некоторые пациенты ведут себя тихо: лежат на кроватях или сидят в креслах в ожидании, когда их вызовет дежурный врач и решит, куда им направляться дальше.

Изредка попавших в «Психиатрическую скорую», после осмотра дежурного врача, отпускают на все четыре стороны.

Случается, что туда приходят и добровольно. Помню одного такого добровольца. Чернокожий парень атлетического телосложения пришел и признался, что его неприязнь к бывшему мужу его нынешней подруги достигла критической отметки. Желание убить превратилось в идею-фикс. Он легко может раздобыть пистолет. Но не хочет из-за «придурка» садиться в тюрьму. Попросил у врачей успокоительных таблеток и чтобы его на время «закрыли».

Желваки вздувались на его скуластом, небритом лице. Меня же поразили тон его голоса – ровный, почти ледяной, и очень медленный темп речи...

А еще пришел, помню, тихий такой пуэрториканец лет шестидесяти. Сказал, что хочет покончить с собой. Дескать, больше не может справляться с навалившимися жизненными проблемами: постоянными увольнениями, болезнями, одиночеством. День и ночь видит перед глазами Бруклинский мост и себя, перелезающего через высокие перила. Говорил спокойно, не переставая виновато улыбаться...

Но большинство пациентов в «Психиатрическую скорую» все же попадают в состоянии тяжелого бреда, с галлюцинациями. Удары головой о стены, вопли, попытки схватить со стола ручки и карандаши, ошибочно принятые за ножи, вмешательство госпитальной полиции с наручниками, шприцы в руках медсестер – всё это будни «Психиатрической скорой», рутина.

Провел я некоторое время и в психбольнице – «ку-ку хауз»е, куда пациентов, уже переодетых в больничные халаты, переводят из «Психиатрической скорой».

Психбольница – место не самое привлекательное. Окна там затянуты металлическими сетками, доступ к лифтам преграждают стальные раздвижные решетки на замках. У палат с «буйными» сидят санитары. Жесточайший

внутренний режим. Объявления в динамиках передаются строгим голосом: всем идти на обед или к окошку за лекарствами. Больные накачаны психотропными лекарствами, медленно, не произнося ни слова, передвигаются по коридорам, шаркая тапочками.

Почти все они, невзирая на свое состояние, хотят одного: поскорее оттуда вырваться. Меня представили некоторым пациентам, сказав им, что я – студент, прохожу в госпитале интернатуру. Оставшись со мной тет-а-тет, больные тут же начинали доказывать, что они абсолютно здоровы, уже вылечились, и упрашивали, чтобы я их выписал. Я извинялся, пытаюсь растолковать, что выписка не в моей компетенции, что я простой практикант. Но они либо не понимали, либо не верили, что я говорю правду. Как только до них доходило, что я действительно не могу их выписать, они тут же теряли ко мне интерес.

Только самые смекалистые из них понимали, что освобождение из больницы напрямую зависит от выполнения трех золотых правил: не надо ничего требовать, нельзя ни на что и ни на кого жаловаться, и самое главное – следует без разговоров принимать все лекарства.

Однако усвоить эти правила могли далеко не все и не сразу. Труднее всего доставалось «борцам за права человека», тем, кто жаловался на невкусную еду, несносное поведение соседа по палате или грубое обращение кого-то из персонала. Таковым приходилось в дурдоме несколько задержаться...

– Очень хорошо, Герман, что теперь вы имеете представление о всех психиатрических отделениях госпиталя, – сказала Сандра, когда мой ознакомительный тур был завершен. – Не исключено, что некоторым вашим пациентам скоро придется побывать и в тех отделениях тоже.

XXX

Затем мне стали назначать пациентов с различными психиатрическими диагнозами.

Кстати говоря, все диагнозы были поставлены в соответствии с «Руководством по психиатрической диагностике». Именно этим пособием пользуются все американские психиатры и психотерапевты. В этой толстой и, надо сказать, очень дорогой книге изложены практически все известные на сегодняшний день психиатрические нарушения.

Настоятельно не рекомендую обычному читателю даже заглядывать в это пособие! Человек психически здоровый, но мнительный, «с воображением», открыв эту книгу, ужаснется, обнаружив в себе черты сексуального маньяка, заболевшего вследствие посттравматического нарушения, да еще с каким-нибудь жутким отклонением в деперсонализацию членов тела. А при большом упорстве можно довести дело «до победного конца» и очутиться на приеме у психиатра.

«Синдром студента первого курса» легко излечим. Хороший психиатр, случись ему иметь дело с подобным «больным», посоветует ему успокоиться, некоторое время не читать никаких книг по психиатрии, а вместо этого сходить в фитнес-клуб или бар, выпить пивка. И вы – абсолютно здоровы!

Мое нечаянное отклонение от темы заводит меня еще дальше, и я припоминаю своих милых однокурсников, будущих психотерапевтов. Некоторые из них, особенно девушки, и вправду очень близко к сердцу принимали всё, изложенное в той толстенной книге, «примеряли» к себе те или иные диагнозы и, в результате, находили у себя какую-нибудь психиатрическую болезнь, если не в хронической стадии, то очень опасные симптомы таковой. Докучали преподавателям вопросами, не следует ли срочно обратиться за помощью к специалистам?

Однако были среди студентов и такие, кто не нуждался ни в каких советах. Напротив, сами могли бы посоветовать врачу, в каком баре можно хорошо оттянуться, где в ассортименте всегда свежий холодный эль, а где вкусные суши и сашими.

Помню, на одном семинаре в альма-матер я в паре со знойной Вероникой отрабатывал тему «Диагностика во время первого визита пациента». Мы играли роли: я – врача, она – пациентки. Как и положено психотерапевту, я проникновенным голосом спросил Веронику, какие проблемы в своей жизни она считает сегодня наиболее серьезными.

Мулатка Вероника никогда не надевала лифчик на эти вечерние семинары. У нее были потрясающие налитые груди, на смуглой шее блестела тонкая золотая цепочка. После занятий, которые заканчивались в четверть десятого, она всякий раз спешила куда-то, и не думаю, что в библиотеку.

Облизнув густо покрашенные губы, Вероника простонала: «Вы спрашиваете, какие у меня проблемы? О, доктор, вы себе не представляете, как я хочу еб...я...»

Иван и его палач

Глава 1

Одним из первых мне назначили пациента по имени Иван. На протяжении года мне довелось работать со многими больными, но Иван запомнился больше других.

Вот что было написано в его медицинской карте: «Иван Н. – русский, пятидесяти трех лет. Родом из Курска. В прошлом – хирург. В настоящее время

работает на стройке. Холост, детей нет. После полученных многочисленных травм страдает болями в плечевых и коленных суставах. В нескольких судах Нью-Йорка имеет открытые дела по своим искам, в которых обвиняет фирмы и организации в причинении ущерба его здоровью. Два года назад неделю лежал в психбольнице».

Он был худощав, ростом чуть выше среднего. Что еще?.. Как описать Ивана? – не фольклорного Ивана Царевича, а этакого пьяненького завсегда русского уличного балагана? Лица таких людей невыразительны и тусклы: рот, нос да глаза. Ни даже бородавки, ни шрама для разнообразия. Скукотища.

Поначалу Иван и вправду казался мне нуднейшим типом. Я изнывал от смертельной скуки на всех наших 45-минутных психотерапевтических сессиях. Главным тогда было для меня не уснуть и не свалиться с кресла. Поэтому большое внимание я уделял своей позе: наваливался всем корпусом на правый подлокотник кресла и вытягивал ноги вперед. А когда чувствовал, что под бормотание Ивана начинаю засыпать, то, спохватившись, менял позу – перемещал корпус на левый подлокотник.

Слушая Ивана все 45-ть минут, я методично кивал, глядя то на его невзрачное лицо, то на круглые настенные часы над его головой. Он напоминал мне биоробота: приходил на сессии с немецкой пунктуальностью и с такой же пунктуальностью ровно через сорок пять минут вставал, надевал свой старенький пиджак и, одарив меня на прощанье механическим рукопожатием, уходил. Он выпивал водку, поэтому частенько его глаза были мутны.

Иван страдал депрессией и психосоматическим нарушением. Подскажу, что понимать под «психосоматическим нарушением»: наличие у человека телесной боли по неизвестной причине или при недоказанности существования этой боли, как таковой. Иными словами, человек жалуется, скажем, на боль в бедре. Врачи проводят исследование, делают рентген, но не могут установить причину. А пациент кричит, плачет: болит, и все! И, поди пойми, то ли у него в самом деле

болит, то ли ему это кажется, то ли он попросту врет. Психиатрическим же нарушением это становится тогда, когда у человека какая-нибудь часть тела обязательно, да болит. С бедром вот потихоньку наблюдается улучшение, уже полегче, можно нормально ходить, даже бегать. Как вдруг, ни с того ни с сего – острая боль пронзает плечо! Вот те раз... И все начинается по-новой: визиты к врачам, рентген... Такова вкратце характеристика нарушения, которым страдал Иван.

С первых дней наше общее внимание было приковано к его правому колену. По словам Ивана, он получил несколько тяжелых травм, работая на стройках: то упал со стремянки, то на него обрушилась гора шлакоблоков, то еще что-то стряслось. И удары якобы постоянно приходились именно по правому колену.

Иван, в прошлом – хирург, досконально знал анатомию человеческого тела и обладал феноменальной памятью.

– Врачи считали, что у меня поврежден медиальный надмыщелок. Но рентген показал ушиб головки малоберцовой кости, – говорил он сипловатым голосом, порою касаясь рукой своего колена.

Интересно, что колено было единственной темой, вызывавшей у Ивана какие-либо эмоции. Обо всем остальном – о своем прошлом хирурга, оставленной России, Америке, о родных, даже о себе самом Иван говорил с безразличием и отстраненностью, как о предмете мало или вовсе ничего для него не значащем. Зато колено – вот где была зарыта собака всех его жизненных проблем! В общем, на сессиях мы с Иваном говорили только о его колене.

В сознании Ивана оно не просто болело. Когда он стал мне больше доверять и уже не боялся, что я посчитаю его сумасшедшим (Иван считал себя психически абсолютно здоровым), он познакомил меня с другими свойствами своего колена.

– Вы слышите, слышите? – настороженно спрашивал он, вставая с кресла и делая по кабинету несколько шагов. – Слышите, как оно хрустит? Хр-р, хр-р, слышите?

Причем «хр-р» он произносил нараспев, и я подозревал, что ему слышится не просто хруст, а хруст мелодичный, колоратурный.

– Всё, вроде бы замолчало, – он останавливался, напрягая слух. Затем делал осторожный шаг и снова замирал. – Нет, хрустит, хрустит...

«Значит так: нужно стабилизировать его сон и аппетит. Попытаюсь перефокусировать интересы больного на другие объекты, помимо правого колена», – намечал я линию его лечения.

Разумеется, Иван обратился в психиатрическую клинику не для того, чтобы его убедили в том, что колено у него вовсе не болит или же болит не так сильно, как ему это кажется. Отнюдь нет. Причина у него была конкретная: Ивану было нужно письмо в суд, что, дескать, вследствие полученных на стройках травм, он страдает тяжелой депрессией.

И тут мы вместе с Иваном спускаемся с первой, самой верхней, ступеньки и под хр-хруст его злосчастного колена, переваливаемся на ступеньку ниже, где Иван приоткрывается нам не просто как безобидный городской сумасшедший, а как социально опасный тип.

xxx

Сандра. Несколько слов о ней.

Она была весьма миловидна, обаятельна и умна. Жила в Лонг-Айленде, имела взрослую дочь, пасынка и второй раз была замужем.

Раз в неделю она выслушивала мои отчеты о проведенных сессиях, и мы вместе разбирали дела больных.

– ... Не знаю почему, но ваш Иван вызывает у меня серьезное беспокойство. Во-первых, он принадлежит к так называемой группе риска: одинокий белый мужчина, в возрасте старше пятидесяти, злоупотребляет алкоголем. Два года назад почему-то лежал в психбольнице. Добавьте к этому историю с его родным братом, который, если не ошибаюсь, застрелился.

– Да, миссис Сандра, вы правы. По словам Ивана, его брат был боевым офицером, воевал в Афганистане и был там контужен. Вернувшись домой, начал пить и застрелился, не исключено, что в состоянии белой горячки.

Она на миг закрыла глаза:

– Что-то с вашим Иваном не так. Как бы он, следом за своим братом, не вздумал покончить с собой. Не забывайте: суицидность имеет наследственные корни! Интуиция мне подсказывает, что с Иваном нужно работать очень осторожно.

– О`кей, доктор, буду осторожно. Но смею все-таки возразить, что Иван – совершенно холодный человек, я бы, скорее, отнес его к классу земноводных, он что-то вроде ящерицы или тритона. Чтобы покончить с собой, нужны сильные эмоции, страсти, идеи. Иван же, извините, ни рыба ни мясо. Ему от нас нужны только письма для адвокатов. Знаете, сколько у него дел в городских судах? Пять! – я поднял руку с растопыренной ладонью и, перечисляя, загибал каждый палец. – Два дела по травмам на стройках: он обвиняет строительные фирмы, где работал, в несоблюдении ими мер безопасности. Далее: дело по автомобильной аварии – не сомневаюсь, что эта авария была подстроена. Еще иск против городских властей – за то, что он упал на эскалаторе в метро, наверняка, тогда был пьян. И одно дело против супермаркета: он купил там несвежий йогурт и отравился им, что якобы впоследствии привело к удалению аппендикса. Он – сутяга и симулянт, вот кто он. Такой тип никогда не покончит с собой, скорее, сам любого в могилу уложит! –

закончил я свою трибунную речь с некоторым раздражением в голосе, потому что мое мнение, как психотерапевта, совершенно не берут в расчет.

Сандра рассматривала свои ногти с новым маникюром:

– Может, вы и правы, Герман. Но знаете, когда-то у меня был пациент, тоже совершенно лишенный каких бы то ни было эмоций, из класса земноводных, как вы изволили выразиться. Я с ним работала больше года. Когда на одной сессии нам наконец удалось расколоть его душевный лед и проникнуть в его тайну, он сорвался вот с этого самого кресла, на котором вы сейчас сидите, и едва не задушил меня, – Сандра поднесла руки к своему горлу, изображая, как ее пытались задушить. – Все-таки, Герман, поинтересуйтесь у Ивана подробностями гибели его брата.

xxx

– Послушайте, мистер Иван, перестаньте валять дурака! Вы попадаете в автомобильные аварии, падаете с лестниц, на вас валятся шлакоблоки, у вас ломаются кости, рвутся сухожилия, и вы ни разу не задумались, почему это с вами происходит? Вы не видите в этом ничего особенного, из ряда вон выходящего? Ну, хорошо, человек может попасть в автокатастрофу, получить травму на работе, согласен, в жизни всякое случается. Положим, после первого несчастного случая человек не будет глубоко задумываться о несправедливостях судьбы, после второго случая – обычно возникают вопросы. А ведь у вас, Иван, несчастные случаи происходят едва ли не каждый месяц. И вы ни разу не спросили себя или Бога – почему? Не знаю, читали ли вы Библию, знаменитую Книгу Иова, где праведный Иов после каждого удара взывал к Небу со стонами и воплями. Но вы, вы?! Неужели вам ни разу не захотелось возроптать на такую чудовищную несправедливость?

– Нет. Я по натуре – реалист. Случилось – значит, случилось, и нечего тут философию разводить, – сухо отвечал Иван.

– О`кей, вам плевать на философию, в Бога вы тоже, судя по всему, не верите. Но тогда ответьте: вы что же, и вправду уверены, что вам обязаны за всё выплачивать денежные компенсации? Допустим, человек получил травму и утратил работоспособность. Да, какое-то время, пока не восстановится, он нуждается в денежной помощи. Но вы, как следует из ваших же слов, ни на одной работе в Америке не задерживались больше полугода: получали очередную травму и сразу бежали к адвокату. Смотрите, что происходит: вы купили в супермаркете испорченный йогурт, от которого, как вы уверяете, у вас случился сильный понос. О`кей, бывает. И вы, бывший хирург, делавший когда-то сложнейшие операции на открытой брюшной полости, испугались поноса и побежали в госпиталь, где этот ваш визит зарегистрировали. Потом, через месяц, у вас воспаляется аппендикс. Вам делают легкую операцию по его удалению, и после этого вы подаете судебный иск на супермаркет, доказывая, что якобы из-за того отравления йогуртом у вас воспалился аппендикс. Супермаркет, чтобы не доводить дело до судебного разбирательства, выплачивает вам пять тысяч долларов! Трудно поверить! При этом вы считаете себя невинной жертвой... Хронический сутяга, вот вы кто, – мрачно заключил я.

Иван нахмурился, по его лицу пробежала тень растерянности, даже испуга.

– Вы что, хотите, чтобы я больше к вам не приходил? – спросил он дрогнувшим голосом. Он весь как-то ужаснулся в кресле; глаза, мутноватые с перепоя, забегали. В его лице промелькнуло что-то от ребенка, бедного, всеми покинутого, никому не нужного.

– Нет, я вовсе не хочу этого. В некотором роде, я вам даже сочувствую, – буркнул я. – Но понимаете, то, что вы делаете... не могу этого оправдать. Вы что,

действительно уверены в своем праве на эти деньги? Вы и вправду считаете, что один ваш понос стоит пять тысяч долларов?

И тут лицо Ивана, в который раз за эту сессию, преобразается. Вернее, лицо остается неподвижным, только слегка раскрывается рот, губы кривит странная улыбочка...

– Да. Я уверен, что поступаю правильно. Да, мне все должны, – его глаза смотрят то ли на меня, то ли сквозь меня, и видят...

Что они видят, эти мутные, с перепоя, холодные глаза тритона, этой застывшей на песке ящерицы? У меня от его улыбки холодок пробегает по спине. В этот миг я почему-то не сомневаюсь, что Иван способен убить. И убьет, убьет с этой холодной, кривой улыбочкой...

«Настоящий социопат, которому неведомы ни законы морали, ни любви». Невольно я отталкиваюсь ногами от пола, и мое кресло на колесиках откатывается подальше от этого типа.

– Вы просили меня подготовить письмо для вашего адвоката. Вот, пожалуйста, – протягиваю ему конверт с госпитальным логотипом.

Иван берет конверт, кладет его во внутренний карман своего старого пиджака:

– Спасибо, доктор.

Смотрит на часы и, видя, что уже прошло сорок три минуты, начинает собираться.

Я сижу молча. Ради чего этот Иван покинул Россию, оставив там мать, родных, работу хирурга, и уже десять лет болтается в Нью-Йорке, как клочок смятой бумажки, носимый ветром по стройкам, судам и госпиталям?

Несерьезный, бездушный человек, – мысленно ставлю ему окончательный диагноз, пожимая на прощанье его холодную руку.

Прости, Иван, прости мое верхоглядство.

Глава 2

Снова кончик моей ручки крутится вокруг загадочного слова: л ю б о в ь. Почему, непонятно, любовь, подобно локомотиву, тянет за собой весь бутафорский антураж – соловьев, розы, шампанское во льду, всякие там слезы, ножи в сердце? Кто тому виной? Бульварные романы? Кино?

Мне припоминается история молоденькой пациентки. От девушки ушел бой-френд. Чтобы его вернуть, она позвонила ему и сказала, что включила газ, все четыре конфорки: «Прощай, любимый, прощай навеки!» Но бой-френд был решительно настроен на разрыв. Вместо того, чтобы ринуться спасти подругу, позвонил в «911» и сообщил, что такая-то по такому-то адресу собирается покончить с собой, уже включила газ...

Попад в психбольницу, девушка больше всего возмущалась «чудовищной подлостью» своего бывшего ухажера. Да, спору нет, поступил он не поджентельменски. Во всяком случае, драма, красиво начатая, должна была так же, красиво, и закончиться: слезами, пусть даже пощечинами. Но уж никак не психбольницей, где бедняжку заставляли принимать таблетки и продержали под наблюдением целую неделю (на свою беду, газ для правдоподобия она действительно включила, рассчитывая, что после телефонного разговора ушедший любовник моментально к ней примчится).

Но даже в этой трагикомической истории есть свой пафос – рыдания, угрозы покончить с собой, прибывшие пожарные и санитары, надевающие на лицо насмерть перепуганной девушке кислородную маску...

Но что сказать о «любви без шума», о любви тихой, мрачной, живущей в больной душе и, подобно раковой опухоли, пустившей обширные метастазы? Что сказать о любви не голливудской и не королевской, а о любви безвестного, никому

ненужного Ивана, прозябающего на стройках Бруклина? Кто замолвит словечко за него?

XXX

Нью-Йорк догорал в осеннем багрянце. Я парковал машину и брел к госпиталю в толчее вечно спешащих прохожих.

Не переставал думать об Иване. Я чувствовал, что стою на пороге какой-то его страшной тайны, пытаюсь туда проникнуть, спуститься вместе с ним на ступеньку ниже, а он, как фокусник-иллюзионист, водит меня вокруг да около, сохраняя при этом безразличное лицо.

Меня мучили вопросы, десятки «почему». Чем объяснить странность его поведения? Да, бесспорно, он сутяга, пытается получить деньги обманным путем, полагая, что имеет на это моральное право.

Но, если смотреть с этой точки зрения, то, наверное, четверть населения США ведет себя подобным образом. Судятся за случайно пролитый на штаны горячий кофе, за тараканов в отеле, за похлопывание по плечу на работе (сексуальные домогательства). Благо, свора адвокатов всегда к услугам таких псевдожертв.

Но в случае с Иваном дело обстоит сложнее. Хотя бы потому, что он действительно получает увечья. Я не раз обращал внимание на синяки, порезы на его руках и на лице, на потемневшие от ударов ногти. На мои вопросы он отвечал: «Случайно ударил по пальцу молотком» или «Порезался, когда брился». Но почему так часто? Был пьян? С похмелья? Иван хоть и любил выпить, но алкоголиком не был, поэтому трудно допустить, что виной всему только алкоголь. Однажды, обнажившись до пояса, он показал мне толстые рубцы на плечах. В его медицинской карте значились многочисленные переломы и ушибы.

Он использовал свое тело, как средство добывания денег. Но, если хотел оттяпать деньги, то зачем же при этом так себя калечить? Зачем же такой ценой?

Я не находил объяснения и его упорному уклонению от любых разговоров о Боге, вере, поиске смысла жизни, обо всём, что он презрительно называл «болтовней философов», не догадываясь, какие струны задевает в душе сидящего напротив выпускника философского факультета. Не хотел он делиться подробностями о гибели своего брата.

Я советовал ему ходить в кино и музеи. Перед сном – совершать прогулки на свежем воздухе. Разумеется, не пить алкоголь и принимать выписанные лекарства. Я рассчитывал, что Иван – сам в прошлом врач – понимает всю важность этих средств для борьбы со своей депрессией, в которую я, честно признаться, уже совершенно не верил. Вернее, я, конечно, видел, что его лицо отнюдь не светится счастьем, что он даже страдает, но страдает «не так, как положено депрессивным пациентам».

Вопросы, вопросы...

Глава 3

Все мои попытки вызвать Ивана на откровенность, все «эмоциональные провокации» ни к чему не приводили. Более того, я даже стал замечать, что чем сильнее напирал, тем глубже он замыкается в себе. Тем не менее, по какой-то не до конца для меня понятной причине Иван продолжал посещать сессии.

Каждый раз он заводил одну и ту же шарманку относительно своего колена. Он проиграл судебную тяжбу по делу о травме, полученной на стройке. Был этим очень удручен – рассчитывал-то получить тысяч тридцать. Обвинял адвоката, судью и босса фирмы, будучи уверенным, что все они сговорились против него.

Периодически я составлял для него новые письма в адвокатские конторы. Иван утверждал, что против него повсюду плетутся заговоры.

В то же время, я видел, что он ни за что не хочет со мной расставаться. Словно что-то ему было от меня нужно, помимо писем. Всякий раз, стоило мне завести речь о «сомнительной пользе его лечения», в глазах Ивана вспыхивал такой ужас, что мне становилось его жалко.

Да, я был единственным человеком, возможно, на Земле, кто при каждой встрече честно слушал его в течение 45-ти минут, пусть механически кивая головой, пусть борясь со сном и часто поглядывая на часы. Но все-таки БЫЛ с ним.

По совету Сандры, я прочел книгу английского психиатра Рональда Лэнга «Расколотовое “Я”». В этой работе Лэнг предлагает следующую методику: не спорить с больным, ни в чем его не разубеждать, а пытаться ПРИНЯТЬ его таким, какой он есть, включая его навязчивый бред, иллюзии, страхи и пр. То есть, врач должен мысленно переместиться в мир больного, не теряя при этом связи с миром реальным.

И я «вошел в бред» Ивана, стал во всем с ним соглашаться.

Сработало! – На сессиях он уже не сидел чурбаном, монотонно твердя одно и то же. Голос его зазвучал тверже, с интонациями, в глазах появлялось выражение – то слабенькой грусти, то робкой радости. Во всяком случае, какие-то эмоции.

В минуты воодушевления, когда его губы искривляла улыбка, открывающая его черный рот, а в глазах на миг вспыхивал диковатый блеск, мне всякий раз становилось жутко, думалось: такому дай нож – и зарежет, не дрогнув...

Но я все равно продолжал «входить в его бред». Да, против него существует заговор. Да, он невинная жертва судей, врачей и адвокатов. Да, он имеет право на десятки тысяч долларов компенсации за полученные травмы. Да, его колено похрустывает, поскрипывает и даже посвистывает.

Между нами, наконец, возникло нечто, вроде взаимопонимания, он начал мне доверять. Мы постепенно соскальзывали и на другие темы – говорили о его прошлом, о его семье, о погибшем брате и обстоятельствах смерти последнего.

Иван почему-то становился напряженнее, на его лице возникало выражение затравленности, отчаяния. Вместе с ним мы входили в некую наэлектризованную зону страха...

xxx

– ...Я не хотел делать ту операцию. В хирургии, знаете, это не приветствуется, когда врач оперирует своих близких. В любую минуту может дрогнуть рука и... – на мгновение Иван умолк. Выражение его лица, однако, оставалось спокойным, я бы сказал, отрешенным. – Но брат сам настоял на этом. И она тоже.

– Кто – «она»? – спросил я.

– Его жена.

– А чем он был болен?

– У него обнаружили язву желудка – нужно было срочно удалить часть желудка. Такая операция – не из самых простых, но и не архисложная. Я делал такие много раз. В те годы мы пользовались специальными зажимами, называли их «крокодилами» – ими пережимался весь желудок. Я установил этот зажим, но, как мне показалось, не совсем удачно. Нужно было поправить, но... Я на миг отвлекся, вспомнил почему-то про жену брата, сидящую в зале ожидания... Я был в сильном замешательстве. Медсестра подала мне пинцет, но я уронил его на пол. Меня бросило в пот так, что капли обильно потекли на глаза. Санитарка стала вытирать мне пот салфеткой, а ассистент спросил, все ли со мной в порядке. «Да, все в порядке». Я оставил все, как есть, и продолжал работать дальше.

Он надолго устремил глаза куда-то в окно.

– Этот «крокодил» соскочил. Началось массивное кровотечение. Ассистент пытался пережать сосуды, но зажим соскакивал. К тому же у пациента была плохая свертываемость крови. Положение становилось критическим. Я так и не смог остановить кровотечение. Смерть наступила через тридцать семь минут.

Лицо Ивана, закончившего свой рассказ, по-прежнему ничего не выражало. Это была гипсовая маска. Словно он только что поведал не о смерти родного брата под своей рукой, а о кладке кирпичей на стройке. У этого человека вместо сердца – кусок льда, – подумал я.

Иван поднялся, набросив на плечи пальто, пробормотал: «До свиданья» и, даже не пожав мне руки, ушел.

Я не был уверен, что он появится снова. Но через неделю, в назначенный день, он постучал в дверь моего кабинета...

xxx

Его брат – боевой офицер, воевал в Афганистане и был там контужен. Вернувшись с войны, вышел в отставку и открыл свою автомастерскую. Все у него складывалось отлично: деньги, молодая красивая жена, дочка. Одна была слабина – крепко любил приложиться к бутылке. И в пьяном угаре порой грозился «всех перестрелять, как душманов, а потом и с собой порешить». Но к случившемуся все это имеет косвенное отношение.

Брат был женат на женщине, которую тайно любил Иван. Личная жизнь Ивана из-за этой любви не сложилась: он имел связи с женщинами, но так никогда и не женился. Свояченица делала ему туманные авансы, которые усиливались по мере того, как ее жизнь с богатым и пьющим мужем становилась все хуже.

А потом у брата обнаружили опасную язву, и Иван – хирург областной больницы, согласился сделать операцию. Исход известен.

По этому поводу, как и полагается в таких случаях, в больнице прошла клинико-анатомическая конференция. За хирургом Иваном Н. профессиональной вины не признали. Зажим-«крокодил», соскочивший с желудка, – это может случиться у любого хирурга! Да, накануне он не проверил у пациента кровь на свертываемость. Но в повседневной практике областной больницы такое случается нередко. Что анализ крови?! В отделении часто нет под рукой даже крови нужной группы, если вдруг возникнет необходимость делать переливание!

Не виноват Иван. Он должен успокоиться, пережить случившееся и работать дальше.

«Конечно, жалко. Конечно, трагедия. Родной брат! Эх, зря ты взялся за эту операцию, лучше бы делал кто-то другой. Держись, Иван...»

Но не держался Иван. Больше так никогда и не встал к операционному столу, не взял в руки скальпель. Не смог. Мучил страх новой ошибки. Оставил хирургию, жил, перебиваясь случайными подработками. И со свояченицей не сошелся. Она потом вышла замуж за другого...

Выиграв в лотерею гринкарту, собрал вещи и уехал в Штаты. Уехал навсегда.

Мысль об убийстве! Вот что его терзает! Иван убедил себя в том, что умышленно не поправил тот злосчастный зажим. Да, пусть ему привиделось лицо свояченицы, сидящей во время операции в зале ожидания. Пусть даже припомнил в тот миг, как однажды имел с ней близость. Пусть завидовал брату и даже желал ему смерти. Пусть! Но действительной вины за ним нет. Есть только помрачение рассудка – поднялись роем темные мысли, потянули за собой всю душевную муть. И нарушилось чувство реальности: принял Иван свои тайные темные мысли и желания за действительность.

Как же я мог обвинять Ивана? Разве у него бесчувственное сердце?

Наоборот: сердце-то у него слишком ранимое, слишком мягкое для хирурга.

Да и кто я такой, чтобы судить его? Способен ли я измерить всю глубину его страдания? Знаю ли, какими муками мучился он во время той операции? И чем, по сути, он с тех пор занимался, как не казнью самого себя? Падая с лестниц и эскалаторов, разбиваясь на стройках и в автомобильных авариях, ударяя себя молотком по пальцам, царапая бритвой во время бритья свое лицо, – не мстил ли себе Иван таким образом? Не выступал ли по отношению к себе жестоким судьей и палачом?..

Глава 4

Наши сессии теперь носили совершенно иной характер. Мы оставили весь его бред с коленом и заговорами. Что-то произошло, в душе Ивана сдвинулись какие-то глубокие пласты. Речь его лилась живее. Он много рассказывал о своей бывшей работе хирурга, о своей юности. В такие минуты сквозь серое обличье одичавшего, ожесточившегося человека проступал иной Иван. Смутно я различал в нем некогда решительного, внимательного, наверное, даже слишком дотошного хирурга. Даже пальцы его оживились.

Вот так, думал я, – снял человек с души несуществующий грех, открылся.

Порою в наших с ним беседах Иван пытался нагромождать несметное количество всяких анатомических деталей, наименований хирургических инструментов и т.д. Я же старался донести до его сознания очевидное и самое главное: не виновен он в смерти брата, зажим сорвался случайно. Такова реальность. Все остальное – самовнушение, быть может, тайные желания, ошибочно принятые им за действительность.

– Вам пришлось пережить сильнейший болевой шок. Слишком чуткое у вас сердце, – уверял я, ожидая, когда же, наконец, Иван начнет верить моим словам. Он вроде бы согласно кивал головой, дакал.

xxx

Как-то раз по моей просьбе он принес свои фотографии.

– Это вы – возле дома со своим братом? Надо же, как похожи! А это вы где? В лаборатории мединститута? Что, крыс и лягушек там резали? – я перебирал фотоснимки. – А это, насколько я понимаю, в лесу, на пикнике. Кто эта чудная женщина с вами в обнимку, а? Признавайтесь.

Он молчал. Оторвавшись от фотографий, я посмотрел на Ивана. И обмер. В его глазах блестели слезы. Нижняя челюсть судорожно тряслась, рот был раскрыт, как будто он хотел и не мог вздохнуть.

И тут случилось то, чего я менее всего ожидал. Лицо Ивана исказилось в муке. Он схватился за голову и стал рвать на себе волосы, словно желая их вырвать:

– Дрянь! Дрянь! Дрянь! – то и дело вскрикивал он болезненно. – А-а!..

Будто вспышка яркого света ударила в окно, озарив для меня реальность. Неудачная операция не была трагической случайностью, нет! Иван сделал все, чтобы тот злосчастный зажим соскочил. Убил, убил брата ради женщины, с которой был в сговоре!

– Не надо, не надо... – я подошел к Ивану. Сильно, как мог, стиснул его напряженные, трясущиеся руки, прижал к своей груди. – Не надо... Перестань...

xxx

– Значит, Иван умышленно убил своего брата. По правде, я в этом не сомневалась, когда узнала, что именно он делал ему операцию. А если в деле еще и замешана женщина... – сказала Сандра, когда я ей рассказал о своей последней сессии с Иваном. – Но гарантирую: он ни за что не признается в убийстве. Кажется, я хорошо понимаю, что это за человек. Не признается он ни тебе, Герман, и вообще никому на свете.

В ответ я развел руками: мол, не спорю, проживем – увидим.

– Что же ты теперь собираешься делать? Как думаешь его лечить?

– Хочу убедить его пойти в церковь. Мне кажется, что психотерапия тут уже бессильна.

– А Иван верующий?

– Нет.

Сандра задумчиво погладила пальцем подбородок:

– Церковь, молитва... Вера порой помогает лучше любых лекарств. Мне нужно над этим подумать. Время у нас есть, ситуация пока не критическая.

Глава 5

День выдался дождливым, было холодно и ветрено. Мы вышли с Иваном из метро и зашагали по улице, переступая лужи.

Иван шел, засунув руки в карманы клетчатого пальто. Накануне вечером, по его же собственному признанию, он выпил две рюмки водки (не полбутылки ли?), но как бы то ни было, к утру успел протрезветь.

Миновав бакалейный магазин и банк, мы очутились у невысокого здания под куполом с крестом. Из дверей церкви выходили мужчины и женщины разного возраста, некоторые с детьми. Раскрывали зонтики и, перекрестившись лицом к храму, уходили. Судя по всему, литургия только что закончилась.

– Ну, с Богом, – сказал я, перекрестившись. Открыл дверь церкви и пропустил Ивана вперед.

Пожав плечами, он вошел в храм. Там снял шапку и расстегнул пальто. В последнее время он плохо следил за собой, не причесывался и не брился.

– Сейчас все разужнаю, подожди меня здесь, – сказал я и пошел искать священника.

По вероисповеданию я – православный, крестился в Питере, еще когда учился в университете. Приняв крещение, первое время сильно увлекался всем, что относится к Православию: читал свято-отеческую литературу, ходил с приятелем на церковные службы. Но та наша религиозность, как теперь понимаю, носила какой-то искаженный, ущербный характер. Да, были желания, порывы. Много умничанья, разглагольствований, ожидания непонятных чудес. Не было главного: понимания, что вера – это постоянный подвиг смирения перед Волей Божьей.

Поэтому скоро пришло охлаждение. Нагрудный крестик я по-прежнему ношу, но человеком воцерковленным не стал и в церковь хожу редко.

Сейчас, однако, речь не обо мне. Иван тоже не был религиозным. Исповедовал, как он сам выражался, «твердую веру в законы природы». Но мое предложение пойти в церковь на молебен, как ни странно, принял сразу.

После той сцены в моем кабинете, у него словно сломался внутренний стержень. Вся громоздкая жизненная конструкция Ивана – уродливого существа, в которого он превратился за последние десять лет, – рухнула. Весь бред о заговоре и болезнях, который так долго его спасал, исчез, но ничего нового взамен не появилось. Он совсем растерялся, не знал, как жить дальше. Больше не просил писем для адвокатов, перестал интересоваться делами по своим бесконечным искам в судах. Он как будто целиком доверил свою судьбу мне.

Я же был уверен: единственное, что Ивану сейчас нужно, это – ПОКАЯНИЕ. Покаяние перед Богом, в которого, так или иначе, верит каждый. И этот наш совместный молебен пусть будет его первым шагом к свету. Иначе он впадет в еще большее отчаянье, продолжая себя калечить и разрушать.

Напрямую я не сказал Ивану об этом, но угадывал верно: он знает о том, что я проник в его тайну. Между нами словно возник негласный сговор. Только я и он (ах, да, еще прелестная свояченица в Курске) знали страшную правду о смерти его брата.

Сандру я не поставил в известность об этом нашем «религиозном походе». Решил действовать самостоятельно, полагаясь на интуицию.

Итак, я уговорил Ивана пойти вместе со мной в русскую православную церковь. Заранее по телефону узнал, что в воскресенье после литургии там будет общая панихида, т. е. священник отслужит молебен сразу по нескольким усопшим.

Брат Ивана крещеным не был, поэтому поминать его по чину было нельзя. Если не подаешь поминальную записку, то никаких денег священнику платить не надо. Если подаешь – желательно заплатить долларов тридцать. Все это мне объяснил какой-то мужчина, стоявший возле церковного ларька, где продавали свечи.

Иван тем временем, как прилежный школьник, сидел на стуле у стены, положив на колени руки с разбитыми пальцами. Нечесанные патлы закрывали его лоб. Когда наши глаза встретились, он вдруг как-то глупо заулыбался. Мне почудилось, что его лицо посветлело изнутри. Промелькнуло в нем нечто от того Ивана, которого я видел на фотографиях времен его молодости.

Ах, как мало мы говорили о его жизни! Ведь бегал же он когда-то в юности за девчонками, мечтал о карьере врача. Может, любил слушать соловьев, говорят, в Курских лесах так поют соловьи, что, раз услышав, не забудешь вовек. Еще много,

много чего мы должны с ним перевероршить, чтобы припал он к своим чистым ключам. Пусть человек оступился, пусть даже переступил черту. Но он не должен навеки становиться изгоем! Имеет право на прощение. Пусть не от людей, так от Бога.

Последние сомнения, верно ли я рассудил насчет молебна, покинули меня.

...В правом притворе храма на панихиду уже собирались прихожане. Худой, среднего роста, бородатый священник, с кадилом в руке, о чем-то разговаривал с женщиной возле Распятия. Я передал священнику поминальную записку с именами моих умерших бабушек, спросил насчет оплаты.

– Хорошо, спасибо. А деньги заплатите после панихиды, – сказал священник.

Я купил несколько свечек, одну дал Ивану:

– Панихида скоро начнется. Наше дело – просто стоять. Если хочешь – мысленно поминай своего брата. Поставь свечку за упокой его души. Собственно, это все. А потом, в клинике поговорим об этом дне. Тебя что-то смущает? – спросил я, заметив, что глаза Ивана стали подозрительно блуждать по сторонам, а на лице отразилась легкая тревога.

– Нет, все нормально, – ответил он.

Но когда Иван поднес свою свечу к огоньку моей, чтобы зажечь, я заметил, что у него сильно дрожат руки. С перепоя? От страха?

Молебен еще не начался, и я, обойдя церковь, рассмотрел иконы и частички мощей в темно-ореховых ящиках-мощевиках. Храм благоухал хвоей, воском и ладаном. Эти запахи напомнили мне запахи леса под Питером, походы за грибами, Мельничный Ручей, где находилась наша дача. Ручей тот давно обмелел, затянулся илом и тиной, но там еще водились шуки и даже ондатры...

– Вы на панихиду? Так идите, уже началось, вы чё, не видите? – обратилась ко мне какая-то женщина в платке.

И от этого «чѐ» в Нью-Йорке так пахнуло Рассеей, с ее извечной простецкостью, нахрапистостью, широким размахом...

– Благосло-ови, Влады-ы-ко...

Звякала цепочка кадила в руке священника. Из кадила вылетали сизые облачка дыма и, поднимаясь к потолку, таяли медленно. Я стоял возле иконы Серафима Саровского, обложенной сосновыми ветками. Запах хвои уносил меня в леса под Питером. Я вспомнил своих бабушек, услышав, как священник произнес в списке имена: Мария и Ольга. Бабушка Оля погибла в блокаду, а бабушка Мура (так бабушку Машу называли в нашей семье) дожила до 81.

...В квартире у бабушки Муры, на подоконнике, в горшках росли калачики и помидоры. А в спальне, в углу, висела икона Николы Чудотворца, в серебряном, потемневшем от времени окладе. Когда я уходил из ее квартиры, бабушка всегда осеняла меня крестным знаменем, – стояла в дверях, опираясь на палочку, седенькая, с морщинистыми щеками... Вспомнил я и ее могилу, крест за черной низкой оградой, которую мы подкрашивали каждой весной...

– Я пойду, ладно? – неожиданно промолвил Иван, прикоснувшись к моему локтю.

– Подожди, еще не закончилось.

– Мне надоело. Голова болит, – он виновато пожал плечами, мол, что поделать, так получилось.

– Господи-и Иисусе-е Христе, помяни-и рабо-ов Тво-о-их... – пел священник и снова читал по помянникам имена усопших.

Женщины вздыхали, крестились, вытирали слезы. Дымки вились над дрожащими огоньками свечей, в серебряных окладах и стеклах икон отражались сотни, тысячи, миллионы этих уходящих в вечность огоньков...

– Помяни ра-а-бов Тво-о-их... – тянул священник, все сильнее размахивая кадилом. Кадила выдыхала голубовато-сизые облачка, которые, расплываясь,

поднимались все выше, выше, над красными лампадами, над образом Распятого, над хвоей, туда, к куполу...

– Ну, хорошо, иди. Увидимся во вторник, – сказал я, пожимая Ивану руку.

Посмотрел вслед ему, застегивающему на ходу пальто и уже напялившему на голову зимнюю шапку. Странная злость вдруг охватила меня. Захотелось... чего? Но по какому праву я пытаюсь быть чьим-то пастырем, требую, чтобы человек «спасался по моему рецепту»? В конце концов, почему я считаю, что Ивану вообще нужно раскаяние?

Я попытался не думать об Иване, решил дотянуть до конца. Правда, панихида тянулась так долго, что я даже пожалел, что не ушел вместе с ним. Если бы не мое обещание заплатить священнику тридцать долларов, ушел бы точно.

Молебен закончился. Выйдя из церкви, я направился к метро. Моросил дождь и дул промозглый ветер.

Неподалеку от входа в подземку стояли полицейская машина и «скорая помощь». Два копа, преграждая вход в метро, успокаивали собравшихся, говорили, что скоро всех впустят внутрь, дескать, они понимают, что все спешат, но нужно подождать.

Холодок пробежал по моему сердцу.

– Отойдите в сторону! – велел полицейский собравшимся, ответив что-то по рации.

Все послушно отошли, только одна старушка не переставала громко возмущаться и не пожелала выполнить требование стража порядка. Копу пришлось отодвинуть непослушную бабушку, как кеглю.

По лестнице из подземки санитары вынесли на железных носилках Ивана. Он был завернут в серый брезент и связан тремя широкими ремнями. Иван мычал, мотая головой, дрыгал ногами, пытаясь вырваться из этой «смирительной рубашки». Все его лицо было в крови.

Санитары остановились перед машиной «скорой помощи». Отщелкнули ножки, и под носилками раздвинулась металлическая крестовина.

– Раз-два-три!

Носилки въехали в фургон. Замигали огни на кабине, завизжала сирена...

xxx

Он бросился с платформы под подъезжающий поезд. Машинист, выводя состав из тоннеля, все же успел затормозить. Иван упал в углубление между рельсами, где валяется мусор и по лужам машинного масла бегают крысы.

Как я узнал позже, Ивана увезли в психиатрическое отделение госпиталя «Святого Луки». Доподлинно так и не установили, что это: попытка суицида или несчастный случай? Согласно записи дежурного врача, Иван отрицал попытку суицида, уверяя, что поскользнулся на платформе. Как свидетельствует та же запись, он находился «в состоянии очень сильной аффектации».

Токсикологический анализ показал наличие алкоголя в его организме.

Я, конечно, не сомневался в том, что Иван пытался покончить с собой. Не нашел в себе силы, чтобы выдержать ужас, открывшийся ему во время молебна, когда в тех дымах и тенях заглянул на миг в свою душу.

Вспомнилось, что два года назад, неизвестно при каких обстоятельствах, он попал в «ку-ку хауз» одного нью-йоркского госпиталя и пролежал там неделю. Может, он и тогда попытался, но не смог покаяться?..

Глава 6

Иван лежал в психбольнице, а я, мучимый угрызениями совести, готовился к ответу.

Пациент пытался покончить с собой! Шутка ли? Даже если не удалось доподлинно установить причину произошедшего, дело должно быть рассмотрено на рабочем совещании медперсонала клиники.

В следующий четверг мне предстояло выступить перед коллегами, представить им дело Ивана.

Никто в клинике не знал о нашем с ним посещении церкви.

Всю неделю меня раздирали сомнения: следует ли мне чистосердечно во всем признаться и «раскаяться» в своеволии, которое едва не привело к гибели больного?

Но ведь тогда – страшно подумать! – какими последствиями это может обернуться для меня: поставят низкую оценку или вовсе не зачтут интернатуру! Отправят депешу в институт декану! Сообщат в Совет психотерапевтов штата!..

Рой страхов витал над моей душой. Несколько раз я был близок к тому, чтобы навестить Ивана в госпитале «Святого Луки». Формально я был его лечащим психотерапевтом, меня бы к нему впустили.

Хорошо, приду, – рассуждал я. И что? – Попрошу его, чтобы он «не проболтался»? Чтобы не топил меня?

Что же получается? Иван едва не свел счеты с жизнью, трудно представить, что сейчас творится в его душе. И тут я – приползу к нему на коленях и стану умолять, чтобы он не губил мою карьеру?..

А не вложу ли я тем самым в руки Ивана оружие, которым он сможет потом мне отомстить? Начнет меня шантажировать? Или, проконсультировавшись со

своим адвокатом, подаст на меня в суд? Ведь он же теперь с новой силой возненавидит и себя, и весь мир.

Одним словом, я чувствовал себя преступником, скрывающим от всех свое преступление и связанным с Иваном узами тайного сговора. Но в этот раз жертвой был он, а я получался как бы преступником, толкнувшим его на рельсы.

После колебаний, я все же решил о молебне никому не говорить и к Ивану в психбольницу не ехать. Будь что будет.

Старался не подавать вида, что волнуюсь. В разговорах с Сандрой держался, пожалуй, слишком непринужденно, почти развязно. Она внимательно читала мои отчеты о сессиях с Иваном, задавала мне вопросы, подготавливая таким образом к предстоящему совещанию. Профессиональное чутье подсказывало ей, что в этой истории с попыткой суицида «не хватает какого-то важного кусочка», но про молебен не знала и она.

За день до совещания Сандра сообщила мне пренеприятнейшую новость: Ивана завтра выписывают из госпиталя и снова направят к нам – продолжать амбулаторное лечение!

– Он придет завтра. А-а...

Всю ночь накануне совещания я не спал. Ворочался, смотрел телевизор. Под утро, наконец, начал впадать в дрему, перебиваемую кошмарами: видел Ивана в образе палача, с топором в руках...

Глава 7

Конечно же, трагедия. Что может быть страшнее – самому оборвать нить и уйти во мрак, на веки вечные?

Официального названия не существует, но можно ввести его самому – суицидология. Или суицидоведение. Кому как нравится.

Вопрос этот слишком серьезен, думаю, на нем стоит остановиться.

В институте, где я учился, этот предмет назывался «Суицид и его предотвращение». Мы изучали различные симптомы в состоянии и поведении людей, замысляющих покончить с собой. Узнавали, какие категории лиц в Америке входят в так называемую группу риска. Разбирали мотивы: вызвана ли суицидная попытка желанием привлечь к себе внимание, или же человек действительно намерен уйти из жизни.

На эту тему написано невероятное количество книг, ведутся многочисленные исследования, опубликованы свидетельства очевидцев и даже тех, кто по-настоящему пытался, но чудом уцелел. Все одинаково признаются в том, что в последнюю секунду (когда уже летели вниз головой с моста или нажимали курок пистолета) к ним приходило прозрение – понимание, ЧТО они совершили. Тонны, тонны литературы...

Но сейчас попытаемся разобраться: что происходит не в душе человека, а в СИСТЕМЕ американской медицины, когда речь идет о суицидном ПАЦИЕНТЕ?

Все боятся. Страшно. Очень страшно. А вдруг пациент не только замыслит, но и совершит это?! Какие тогда будут последствия для психотерапевта?

Казалось бы, как знать, что взбредет больному в голову через пять минут после того, как тот покинул врачебный кабинет? Кого он встретит? Куда пойдет? Что решит предпринять?

Но все не так просто. Медик все-таки отвечает. Отвечает в том случае, если проигнорировал **явный** умысел больного уйти из жизни. Повторяю, речь идет о явных сигналах суицида. Скажем, пациент признался врачу, что сегодня собирается застрелиться и уже купил пистолет. Или написал предсмертную записку.

Однако грань между явными сигналами и неявными порой размыта. Найдутся родственники, друзья, а то и сам пациент, если выживет, –

которые заявят, что врач, дескать, отпустил человека в ужасном состоянии, вот и случилась беда. Подключатся адвокаты. Начнутся неприятные разбирательства, врача затаскают по судам.

Лично я ни разу не сталкивался и ни от кого не слышал, чтобы психотерапевт потерял лицензию из-за суицида пациента. Но **теоретически** такое возможно.

Поэтому не мудрено, что американские врачи проявляют крайнюю осторожность, предпочитая лишний раз перестраховаться, чем рисковать своей лицензией, должностью, карьерой. Заподозрив что-либо, спешат вызвать «скорую», чтобы пациента отвезли в ближайший госпиталь. «Пусть там разбираются и отвечают за последствия. Моя спина прикрыта».

Приведу пример, подтверждающий, насколько вопрос суицида в американской системе медицины серьезен, до абсурда.

Когда я проходил практику в клинике в Гарлеме, неожиданно всплыло дело одного пациента, который посетил эту клинику в первый и последний раз аж... два года назад. Парня зарегистрировали и назначили день, когда он должен был явиться к врачу.

Никаких опасных симптомов за ним не замечалось: бритвы при себе не имел, пистолета тоже, а в зале, пока ему оформляли бумаги, его ждала веселая подружка. На первый взгляд, у него не было серьезного психиатрического нарушения – жаловался на бессонницу и упадок сил. На прием к врачу он так никогда и не явился. А два года спустя покончил с собой – застрелился на крыше дома.

Эта клиника в Гарлеме входила в состав городского госпиталя. И когда мертвого, с простреленной головой, привезли в морг этого госпиталя, электронная система показала, что самоубийца был в гарлемской клинике зарегистрирован. Значит, когда-то числился в пациентах!

Машина сразу пришла в движение: в архивах нашли тоненькую папку с делом; из главного офиса приехало высокое начальство и адвокат. Пригласили работника, который два года назад оформлял парню прием и давно позабыл, как тот выглядел. Три долгих заседания! – посвятили выяснению, нет ли за персоналом какой-либо вины, нельзя ли к чему-либо придраться. Опасались, что родители самоубийцы – их чувства понятны – подадут на госпиталь в суд...

А еще существуют пациенты – так называемые, хронические суицидники. Они бесконечно ходят по врачебным кабинетам и держат врачей в напряжении: «Да, доктор, я испытываю желание покончить с собой. Но сделаю это не сегодня. Сегодня точно буду жить. А вот завтра... Пока не знаю, завтра, может, и покончу. А, может, и нет...» Вот и решай, доктор.

Порой такие хроники глотают таблетки в рискованных дозах, режут себе вены. И тут же сами звонят в «911».

Больные люди, понятно.

Но некоторые и вправду периодически испытывают сильные суицидные желания и не уверены, что сумеют с этими желаниями справиться. Приходят в «Психиатрическую скорую», просят, чтобы их на время «закрыли».

.....

В случае же с Иваном дело обстояло иначе. Иван не искал внимания окружающих. Никого не шантажировал угрозами уйти из жизни. Не обращался в «Психиатрическую скорую» за помощью.

Он бросился с платформы под выехавший из тоннеля поезд. Его привезли в госпиталь, привязанным ремнями к носилкам, и он неделю пролежал в дурдоме.

Что же касается меня, то, поварившись в этом «психотерапевтическом бульоне» (почти три года в институте и на практиках), я уже был очень осторожен насчет возможного суицида моих пациентов. К счастью, ни один из них с собой не

покончил. Но и мне не раз приходилось отводить сомнительных больных к своему начальству, вызывать им «скорые».

Иван в моей практике был первым, совершившим реальную попытку.

Глава 8

Раз в неделю, по четвергам, в просторном, светлом зале проводились совещания медицинского персонала, где собирались все психиатры и психотерапевты клиники**. Кто-либо из врачей представлял для общего обсуждения дело своего самого сложного пациента.

.....

– Только по существу, только по делу! Никаких гипотез, никаких догадок. Говори только то, что известно наверняка, – наставляла меня Сандра по пути в зал, где должно было проходить совещание.

Надо сказать, она тоже немного трусила: все-таки я проходил интернатуру под ее непосредственным руководством, за мои ошибки она как супервайзер тоже отвечала.

– О`кей, все сделаю, как ты советуешь.

...В торце стола восседал строгий заведующий Ричард Грубер. Собравшиеся врачи, расположившись в креслах, приготовились слушать мою презентацию.

Раскладывая перед собой бумаги, я украдкой покосился на стеклянную стену напротив, отделяющую зал от коридора.

– Итак, вот история больного: ранее, в России, Иван Н. был хирургом. Он завидовал своему брату – успешному бизнесмену, владельцу автомастерской... трагический инцидент во время операции... мучился угрызениями совести... развилась тяжелая депрессия...

Все это я говорил по памяти, изредка поглядывая на лист бумаги, который держал в руках. И вдруг... за стеклянной стеной напротив... По коридору медленно прошел мужчина в сером потасканном пальто, взлохмаченный. Нет, не он. Все они, сумасшедшие, чем-то похожи друг на друга: расхристанные, неухоженные. Блуждают, как тени, по коридорам клиник и госпиталей...

Приступили к обсуждению. Первым делом, моих американских коллег заинтересовала не любовная, а финансовая сторона. Им показалось весьма странным, даже неправдоподобным, что Иван-хирург завидовал успеху брата-владельца автомастерской. Разве такое возможно?

Зарплата хирурга в Америке исчисляется шестизначными цифрами, в сотнях тысяч долларов. Это – у обычных, рядовых. Про светил хирургии и упоминать не будем. Многие американские хирурги часто выступают в прессе, ведут свои радио- и телепередачи, имеют положение в обществе. А владелец автомастерской? – Мелкий хозяйчик в промасленном комбинезоне: приварить трубу глушителя, заклеить пробитую камеру колеса.

Обратились к одному психиатру, из России. Она хоть и приехала в Штаты давно, но отношения с бывшими российскими коллегами поддерживала. Подтвердила: да, всё правда, – в России такое возможно. Тем более, когда речь идет не о Москве или Санкт-Петербурге. Если средний хирург обычной областной больницы сложит вместе свою зарплату и деньги, полученные им в качестве взяток, то все равно до уровня владельца хорошей автомастерской вряд ли дотянет.

Эта информация – о жалком положении врачей в России – вызвала настолько живой интерес, что о горемычном Иване ненадолго позабыли. Не могли успокоиться американские врачи, недоуменно пожимали плечами. И, наверное, лишний раз порадовались тому, что родились в Америке...

Затем Ричард Грубер направил обсуждение в нужное русло.

Я вяло отвечал на вопросы, путался в ответах. Непонятная апатия овладела мной. Сандра, заметив у меня неожиданный упадок духа, попыталась заступиться за своего подопечного. Но – куда там! Посыпались замечания: дескать, в работе с Иваном я чего-то недоглядел, чего-то недопонял.

– Зато какое терпение потребовалось от Германа в работе с этим пациентом! – Сандра расточала похвалы в мой адрес. – Расскажите, Герман, как вам удалось распутать темный клубок души этого больного. Герман, что с вами?..

– Мне нужно выйти, срочный звонок! – я поднял в руке свой мобильник. И, не дожидаясь ничьего разрешения, быстро направился к двери.

...В коридоре – Иван! Он был без шапки, в ношенном клетчатом пальто, в котором я видел его в последний раз, в церкви. Иван широко улыбнулся, не раскрывая губ. Я всегда поражался этой его способности – широко улыбаться, не размыкая губ. Лицо его было свежевыбрито, правда, небрежно, на краях широких скул темнели островки щетины.

– Выпустили из психбольницы. Вот как... – промолвил он.

Не успел он закончить, как я схватил его за пальто и потащил за собой по коридору. Он не сопротивлялся, покорно шел, вернее, волочился. Мы очутились у двери какого-то кабинета, неподалеку от лифта. Там, в углу под потолком, висела видеокамера.

– Ч-черт! – я потянул Ивана еще дальше, в узенький коридорчик возле туалета. Достал из кармана две скомканные двадцатидолларовые купюры. – Я знаю, знаю, что ты – убийца! Но я никому не скажу об этом. А теперь – бери деньги и уходи. Уходи...

Иван ошарашенно тарашился на меня. Увидев в моих руках деньги, отклонился. Не мог понять, что происходит. Затем какая-то догадка осенила его. Лицо его искривилось. С невыразимым презрением он посмотрел на меня.

Попятился, прикрыв лицо руками, будто его ударили наотмашь. Повернулся и бросился прочь.

.....

– Что ж, коллеги, пора закругляться, – сказал заведующий после того, как я вернулся, и совещание приблизилось к концу. – Думаю, все, кто хотел, уже высказались. Герман сегодня наверняка почерпнул для себя немало полезных советов. Психический больной в состоянии алкогольного опьянения бросился под поезд. К счастью, не погиб. Когда пациент к нам вернется, мы сможем составить полную картину случившегося. Как бы то ни было, Герману и его супервайзеру следует наблюдать Ивана предельно внимательно, – заведующий сделал короткую паузу и неожиданно добавил: – А, в общем, Герман блестяще работает с этим пациентом. Молодец!

xxx

Спустя несколько недель, когда страхи и страсти немного улеглись, я позвонил Ивану. Он не откликнулся. Не откликнулся и на мой второй звонок, и на третий. Прошло еще немного времени, и дело его закрыли.

Как дальше сложилась его судьба? Сумел ли он найти в себе силы и раскаяться? Или, может быть, возвратился в Россию? Женился?

Все же, думаю, ничего у него не изменилось: по-прежнему пьет водку, падает со стремянок, ломает себе руки и ноги. Судится. Продолжая таким чудовищным образом мстить себе и миру.

Как ни странно, я был уверен, что рано или поздно мы с ним снова встретимся.

Но почему я себя так повел? Почему? – Потому, что соглашался, когда надо было возмутиться, вежливо улыбался, когда следовало гневно закричать. Улыбочка

за улыбочкой, соглашательство за соглашательством. Так принято. Таковы правила. И вот так незаметно скатился.

Позор, доктор Герман. Па-зор!..

Психиатрия и тирания

Теперь речь пойдет о женщине, с которой мне посчастливилось познакомиться в этой клинике. О женщине в высшей степени незаурядной. Хотя по своему образу жизни и манере держаться она казалась самой обыкновенной.

Когда я с ней познакомился, Асе N. было ни много ни мало... восемьдесят три годика. Все – и персонал, и пациенты, ее так и называли – доктор Ася. Росточку она была невеликого и комплекции средней. Ее короткие, окрашенные в каштановый цвет волосы, обрамляли круглое лицо с одутловатыми щеками. Глаза – светло-серые; правый глаз после какой-то операции был чуточку выпуклым, и веко лежало на нем толстой складкой. Голос сохранился в силе, но когда в редких случаях доктору Асе приходилось разговаривать с кем-то на повышенных тонах, в ее голосе все же прорывалась старческая хрипотца. Для своего почтенного возраста ходила быстро, и поступь ее была тверда.

...Вот она – в пальто, теплых сапожках и шерстяной шапочке. С большой сумкой на плече. Спешит в госпиталь. Сумка с плеча съезжает и, поправляя ее, доктор Ася забавно подпрыгивает.

Автобус, которым она пользовалась, останавливался у самого госпиталя. Но из соображений – больше двигаться, доктор Ася выходила на две остановки раньше и шла пешком. Только когда хлестал ливень или снегом заметало все дороги, она садилась в автобус или брала такси.

Обычно я шел в клинику той же дорогой и в то же время, что и она. Случалось, предлагал понести ее сумку, в чем доктор Ася мне почему-то всегда отказывала. И так, во время этих пятнадцатиминутных «прогулок» между нами завязались отношения, чуточку выходящие за рамки узкопрофессиональных.

Вижу ее идущей в американский госпиталь. И вижу – идущей по Москве, более полувека назад, когда, закончив мединститут, она переступила порог психиатрического отделения одной столичной больницы.

Впрочем, в этой истории нужно перевернуть назад еще одну страничку и сначала оказаться в... Германии, накануне прихода к власти Гитлера.

Глава 1

Как известно, в первой половине прошлого века в Германии и Австрии возникло целое созвездие выдающихся ученых – Зигмунд Фрейд, Эрих Фромм, Альфред Адлер, Виктор Франкл – список отцов-основателей школ психоанализа можно продолжать. Новая область медицины в те годы бурно развивалась, получив признание и широкое применение в Европе и США.

Неслыханный подъем в Германии переживала и психиатрия. В первую очередь следует назвать имена Артура Кронфельда и Эриха Штернберга. Не только потому, что это были специалисты мирового уровня, но и потому, что в их судьбах в полной мере отразилось звериные нравы той эпохи.

Однако, все по порядку.

...В 1932 году у Гитлера возникла одна судебная тяжба: политические оппоненты обвинили его в том, что для ведения предвыборной кампании он незаконно воспользовался деньгами Бенито Муссолини. Гитлер это обвинение отрицал, причем столь яростно, что адвокаты потребовали провести судебно-медицинскую экспертизу, чтобы установить его психиатрическую адекватность.

Экспертом был назначен Артур Кронфельд, известный немецкий психиатр, еврей, который долгие годы занимался вопросами шизофрении и других психопатологий. В течение нескольких дней Кронфельд близко наблюдал Гитлера, вел с ним беседы, чтобы вынести свое заключение.

Неизвестно, чем закончилась та судебная тяжба. Документы не найдены. Зато доподлинно известно, что через год Гитлер пришел к власти...

И с этого момента многим ученым и врачам жить в Германии стало практически невозможно. Во-первых, среди психиатров было немало чистокровных евреев, либо с «половинкой» или «четвертинкой» еврейской крови. Во-вторых, препятствием для научной стала нацистская идеология, которой было отравлено все в стране.

Спасаясь от тюрем и концлагерей, многие психиатры вынужденно покинули Германию. Одни бежали в страны Европы, другие – в Штаты. Но двоим – Артуру Кронфельду и Эриху Штернбергу – в середине 30-х удалось попасть в страну, где... все люди счастливы, где народ и коммунистическая партия во главе с товарищем Сталиным уверенной поступью к победе над всеми врагами и к коммунизму почти пришли.

Там, в Советской России, социализм, конечно, победил. Но, сколь бы ни была сильна коммунистическая идеология, психиатрические нарушения не подвластны даже ей. Увы, люди болеют и при социализме.

Несложно догадаться, что двух беглецов из Германии сразу же отвезли в Бутырскую тюрьму и, обвинив их в шпио... Нет, ничего подобного!

В Советской России беглецов приняли весьма радушно, отдавая должное их врачебным заслугам. В России в те годы психиатрия также была на подъеме, поэтому власти посчитали, что два эмигрировавших немецких светила психиатрии – большая удача для пролетарского государства.

Кронфельд и Штернберг получили ведущие должности в научно-исследовательских институтах и лабораториях. Им сразу дали советское гражданство, квартиры, облагодетельствовали всеми льготами, которые полагались тогда крупным советским ученым. Кронфельд продолжал заниматься вопросами шизофрении, а Штернберг исследовал психозы пожилого возраста.

Кстати говоря, это очень сложная и до сих пор мало исследованная область. Принято считать, что психиатрические нарушения проявляются только в раннем или зрелом возрасте. То есть, к двадцати-тридцати годам. Но это не совсем так. Нарушение психики может возникнуть в любом возрасте, включая преклонный, когда тихий, кроткий старичок или старушка вдруг превращается в агрессивного монстра.

Так вот, Эрих Штернберг был одним из первых, кто изучал психиатрические нарушения стариков и разрабатывал способы их лечения.

А в мире было уже очень беспокойно...

В 1939-м году НКВД поручило Артуру Кронфельду дать психологическую характеристику руководителям третьего Рейха. Сталин не мог разгадать намерений Гитлера, политические отношения между ними неоднократно диаметрально менялись – от дружественных до враждебных. Поэтому Сталин и его ближайшее окружение хотели глубже понять фюрера «с медицинской точки зрения».

А кто мог охарактеризовать Гитлера лучше, чем Артур Кронфельд, который, ко всему прочему, был знаком с фюрером лично, когда-то выступая в роли судебного мед эксперта по его делу?

«Гитлер среднего роста, узкие плечи, широкий зад, толстые ноги; тяжелая походка подчеркивает безобразное строение его тела. Незначительный рот, небольшие мутные глаза, короткий череп, слишком большой подбородок подчеркивают известную дегенеративную примитивность. Он невероятно гримасничает, постоянно в каком-то беспокойном движении. У него бывают

эпилептические припадки. Гитлер ярко выраженный психопат. Психопаты такого типа склонны время от времени впадать в депрессию, из которой обычно выходят в состоянии неконтролируемой агрессивности. Неконтролируемая агрессивность позволяет им забыть о риске и атаковать более сильного противника, который из-за внезапности и мощного импульса нападающего часто не способен оказать ему адекватное сопротивление...»

Так Кронфельд охарактеризовал Адольфа Гитлера.

Поразительно, насколько политические решения Гитлера отражали его природу психопата!

Созданные Кронфельдом психологические портреты Гитлера, а также Геббельса и Геринга, издали в НКВД брошюрой в количестве 50-ти экземпляров, для узкого служебного пользования. Несколько лет спустя, когда Гитлер напал на Советский Союз, эту брошюру расширили до объема книги и под названием «Дегенераты у власти» в пропагандистских целях издали большим тиражом для широкого читателя.

Фактически это был первый в истории прецедент, когда на политиков высшего ранга попытались посмотреть с психиатрической точки зрения.

xxx

Но дегенераты находились у власти не только в Германии. Кремль к тому времени тоже превратился в «ку-ку хауз». «Вождь народов» тоже был хорошо «ку-ку» – редким параноиком; садистических наклонностей, навязчивых и мессианских идей у Сталина было не меньше, чем у Гитлера. Причем патологические наклонности «вождя» неуклонно развивались.

...И вот покатилося колесо «великого красного террора».

Да, от сталинизма в Советской России пострадали все. Но по психиатрии пришелся сокрушительный удар еще и потому, что сталинская власть (впрочем, как и любая авторитарная) с особым подозрением относилась к тем гражданским институтам, областям науки и искусства, которые непосредственно занимались вопросами человеческой души.

Оно и понятно: ЧЕЛОВЕК должен принадлежать власти, государству, партии, вождю. Но никак – не самому себе.

Именно поэтому коммунисты в России подвели под секиру церковь, литературу и психиатрию, учинили полный разгром научного и практикующего состава психиатрических институтов, лабораторий и больниц.

Эриха Штернберга в 38-м году обвинили в том, что он немецкий шпион и приговорили к 15 годам лагерей.

С Артуром Кронфельдом обошлись помягче – не сослали. Зато подвергли жесточайшей травле со стороны государственных холуев от психиатрии.

В 41-м году дивизии Гитлера стояли под Москвой, из столицы спешно эвакуировались научные институты. Имя Кронфельда почему-то не внесли в эвакуационные списки. В суматохе и панике, в атмосфере тотального страха никто не захотел помочь пожилому опальному профессору. Он был брошен на произвол судьбы.

Понимая, что, взяв Москву, Гитлер его сразу уничтожит, Артур Кронфельд, не дожидаясь такого исхода, решил уйти из жизни сам – принял смертельную дозу веронала (сильнодействующего наркотика). Вечная ему память...

Его «более удачливый коллега» – Артур Штернберг, отбывал срок в лагере на Воркуте, потом его отправили в ссылку в Красноярске, и лишь через шестнадцать лет (!) он вернулся в Москву, в полной мере вкусив прелести русского коммунизма...

И еще одна любопытная деталь: ознакомившись с методом Кронфельда, ЦРУ обратилось к американским психиатрам с просьбой написать «психиатрическую характеристику» Сталина. Я этот документ не читал, но выскажу догадку: эта характеристика начиналась так: «Сталин среднего роста, узкие плечи, широкий зад, толстые ноги; тяжелая походка подчеркивает безобразное строение его тела. Незначительный рот, небольшие мутные глаза; короткий череп подчеркивает известную дегенеративную примитивность...»

Глава 2

Вернувшись из ссылки, Эрих Штернберг стал руководителем московской клиники психозов позднего возраста в Академии Наук.

А доктор Ася, недавно закончившая мединститут, попала по распределению как раз в эту клинику, и под непосредственным руководством Эриха Штернберга проработала там много лет. Она-то и рассказала мне эту историю. Книгу «Дегенераты у власти» я потом разыскал в архивах Отдела славистики центральной Нью-Йоркской библиотеки...

Конечно, не тем заинтересовала меня доктор Ася, что ее учителем был видный психиатр, неудачно сбежавший от Гитлера и попавший в лапы к другому живодеру. Вернее, не только этим. Что-то чувствовала она в больных, что-то такое...

С пациентами она разговаривала так же, как и со всеми другими людьми, то есть – без напускной важности и таинственности. Была полной противоположностью тем психиатрам, которые задают больному либо заведомо примитивные, либо многоумные вопросы. Спрашивала у больного просто: как ему нынче живется, что у него в семье, что на работе. Потом, умолкнув, сосредоточенно смотрела на погасший перед ней монитор компьютера. Мысленно

обращалась к своему полувековому врачебному опыту, будто спрашивала врача в себе: как же этому человеку помочь?

Хотел бы я послушать тот ее внутренний диалог!

Не так много я знал о ее личной жизни. Вот кое-что: в детстве она с семьей жила в московской коммунальной квартире. Там, в одной из комнат, обитала психически нездоровая женщина, которая ни с кем не ладила, не раз резала себе вены. Соседям приходилось вызывать ей «скорую». Девочка Ася очень боялась эту женщину и дала себе клятву, что, когда вырастет, будет работать кем угодно, но только – чтобы не иметь дела с «психами».

В Америку она приехала в возрасте пятидесяти трех лет. Хотя была главврачом в психиатрическом отделении крупной московской больницы, ее врачебный диплом в Штатах не признали, и ей пришлось переучиваться и сдавать экзамены, разумеется, на английском и с другой терминологией.

Ее муж в России был инженером, в Штатах тоже устроился по специальности. К несчастью, он рано умер от рака. Дочь давно имела свою семью, преподавала музыку в школе.

В госпитале, где я с ней познакомился, доктор Ася работала без малого двадцать лет. Не слышал, чтобы кто-то спрашивал ее, не собирается ли она на пенсию. Ну и что, если восемьдесят три? Велика беда. Дай Бог молодым врачам так работать! Принимать столько пациентов, ездить на конференции, постоянно читать специальную периодику (свежие номера медицинских журналов всегда лежали на ее рабочем столе; в конце недели она давала мне толстую пачечку, советуя прочесть ту или иную статью).

К ее мнению в клинике прислушивались абсолютно все. Но кто ее по-настоящему ценил, – так это заведующий Ричард Грубер. Мы – две дюжины «великих» психотерапевтов – спорили на совещаниях, шумели. А доктор Ася обычно молчала. Но если ситуация с пациентом была действительно сложной,

Ричард Грубер не тратил времени попусту и обращался только к доктору Асе: «Что будем делать? Стоит попробовать это? Или это? Как вы считаете?» – спрашивал он ее.

XXX

Даже внешне доктор Ася напоминала мне мою бабушку Машу. Обе они принадлежали к одному поколению советских людей, поэтому были политически крайне осторожны.

Помню, однажды я задумал сделать ремонт в бабушкиной квартире, решил покрасить стены и двери. Принес инструменты и краску, пол застелил газетами – «Правдой», «Известиями», «Комсомолкой». Несколько газет разложил у наружной двери, на лестничной площадке, чтобы повсюду не разносить грязь.

Приступил к работе. Вдруг в комнату вбегает бабушка Мура – вся бледная, перепуганная: «Ты в своем уме?! Ты что, не понимаешь, что этого делать нельзя?!» Оказывается, она увидела в коридоре на полу расстеленные газеты. Какой ужас! Соседи увидят и донесут. А на дворе-то был не 37-й год, и не 52-й, а 2000-й...

Доктор Ася так же, как и бабушка Мура, прошла советскую школу политического воспитания. К тому же ее наставником был врач, выживший в ГУЛаге.

Нужно помнить и то, что даже в относительно мягкие советские времена психиатрия находилась под неусыпным надзором Органов. На врачей заводились досье, стукачами в больницах становились даже няньки и санитары; диссидентов закрывали в «психушки», но туда же, между прочим, попадали порой и партийные, и государственные чиновники разного ранга, нуждавшиеся в лечении. Известные актеры, писатели... Словом, у Органов имелось немало причин держать психиатров под строгим надзором.

Стоило мне завести с доктором Асей разговор о современной российской политике, о новом отвратительном явлении под названием путинизм (заметьте: на русском языке – в американском госпитале!), как ее взгляд становился тревожным, она тут же вставала и плотно закрывала дверь своего кабинета. . .

При этом доктор Ася никогда не поступалась своими профессиональными принципами и была, как говорится, женщиной не робкого десятка. Некоторые пациенты рядом с ней – низенькой, хрупкой – выглядели гигантами. Были среди них и озлобленные, и крайне истеричные, и недавно вышедшие из тюрем. В шрамах, наколках. Требовали у нее рецептов на наркотические таблетки, в ее кабинете ругались, матерились***. . .

Но, оставаясь с ними тет-а-тет, она находила подход к любому. С одними разговаривала мягко, других – жестко ставила на место.

xxx

Однажды она собиралась в отпуск. Я дал ей компакт-диск с десятисерийным фильмом «Идиот», который недавно посмотрел. Мне было интересно услышать ее мнение.

Вернувшись из отпуска, доктор Ася пригласила меня к себе в кабинет. По ее словам, фильм произвел на нее такое сильное впечатление, что она взяла роман и прочитала его снова:

– В последний раз читала «Идиота», наверное, лет десять назад, – призналась она.

Затем стала разбирать персонажей и, восторгаясь гением Достоевского, указывала на поразительную точность писателя в изображении поведения своих «психиатрически нестабильных» героев. Проанализировав симптомы, поставила

диагнозы Настасье Филипповне, Рогожину, князю Мышкину, генералу Иволгину...

– Вы, Герман, обратили внимание на навязчивую дотошность князя Мышкина? Это же типичная черта эпилептиков. А Рогожин? Он ведь тяжелейший психопат! – и так по всем героям.

Признаюсь, такого разбора романа я не встречал ни в одной книге о творчестве Достоевского.

Закончив этот литературный обзор, доктор Ася неожиданно промолвила:

– А все-таки как он ее любил...

– Кто? – не понял я.

– Князь Мышкин Настасью Филипповну. Любил ее безумно, безумно! Не будь на свете такой любви, наш мир давно бы развалился... Ах! – и доктор Ася, тряхнув головой, вытерла навернувшиеся на глаза слезы.

Эпилог

Припоминаю еще одного «ку-ку»-пациента, с которым я столкнулся, когда работал в клинике в Бронксе. Это был шестидесятитрехлетний еврей из Одессы. Когда-то он уехал по контракту сначала в Австрию, потом в Штаты. Одаренный пианист, он одно время входил в состав оркестра Нью-Йоркской филармонии. Имел семью, жил счастливой, обеспеченной жизнью. Еще с юности баловался марихуаной и пробовал кокаин. Неизвестно, в силу каких причин, – наследственность, наркотики, или и то, и другое, – к пятидесяти годам у него развилась шизофрения, причем в такой быстрой прогрессии, что в пятьдесят три он с острым психозом в первый раз попал в сумасшедший дом.

В нашу клинику он пришел уже хроником, с историей многих госпитализаций, арестов и принудительных лечений. Нечесанный, небритый, от его одежды исходил очень дурной запах. У него были галлюцинации – он слышал голоса. Он был уверен, что врачи, полиция, соседи в доме – все против него. Но почему-то со мной он был откровенен, сквозь его бред, страхи и галлюцинации порой прорывался человеческий голос:

– Я умер тогда, когда перестал чувствовать музыку. Понимаешь, Герман... – он устремлял на меня свои большие, навывкате глаза. – Я мог еще играть, играть Шопена и Баха, мог играть и по нотам, и по памяти: «Ти-ра-ла-ла», – он перебирал в воздухе своими пальцами с грязными ногтями. – Но я уже не чувствовал. Я нажимал клавиши, слышал мелодию, но не чувствовал музыку. Я стал больше курить траву и чаще нюхать кокаин, надеялся таким способом вернуть свои угасающие чувства. Поначалу это помогало, но потом от травы и кокса становилось еще хуже. Я начал слышать непонятные голоса. Страшная болезнь... – он сильно, словно желая причинить себе боль, чесал свои курчавые слипшиеся волосы, и на его глазах выступали слезы. – И с женщинами тогда у меня началось то же самое – я перестал чувствовать женщин. Я занимался сексом с женой, совершенно не чувствуя ее. Да, член стоял, все было, как обычно, но я ничего не чувствовал. Я становился мертвым. Жена поэтому и ушла, предварительно обчистив меня до цента...

Помню его ранней весной – крупного, грязного, сидящего на бровке возле здания клиники. В кожаной дырявой куртке. Жует свежий хлеб, купленный в магазине неподалеку. Еще один городской сумасшедший. Он отрывал от булки большие куски и клал их себе в рот. Изредка бросал кусочки хлебного мякиша голубям. Потом, подняв голову, шурился лучам мартовского солнышка и вдруг начинал смеяться, беззаботно так, счастливо. Наверное, голоса ему рассказывали

что-то смешливое. Сладкие голоса, ставшие слабой заменой его навеки потерянного земного счастья. Э-эх!..

xxx

Прошел год с тех пор, как я окончил институт и получил диплом. Работал психотерапевтом в одном кризисном центре в Манхэттене.

Однажды, в годовщину смерти бабушки Маши, решил помянуть ее и зашел в церковь. В ту самую, где когда-то был с Иваном.

...Шла вечерняя служба. Купив несколько свечек, я прошел в храм.

На клиросе читали псалмы: «Сердце чисто созижди во мне... Пламенем любви распали к Тебе сердца наша...» Из Царских врат выходил тот же, что и в прошлый раз, невысокий, бородатый священник с «Евангелием» в руках.

Я вспоминал бабушку Машу. Она часто молилась за всю нашу семью. Бабушка Мура, с глазами бесконечно добрыми, лежишь под железным крестом. И все равно, я знаю, ты молишься, продолжаешь молиться за отца, маму, меня...

Погас свет. Какая-то женщина ходила по храму, вынимая из лунок почти сторевшие свечи, бросала огарки в жестяные банки на полу. И в церкви становилось еще темнее.

...Я не знаю, зачем существуют страдания. Когда в Питере я изучал философию и, живя в комфорте, отвлеченно рассуждал о жизни, ответ на этот вопрос у меня был. Сегодня его нет. Когда постоянно видишь страдания больных, запутавшихся людей, их титанические попытки что-то изменить в своей жизни, невозможно уйти в небесные выси отвлеченных теорий. Машины «скорой помощи» и полиции, оглашающие сиренами улицы, за эти годы для меня перестали быть обычными атрибутами Нью-Йорка. Сломались железные стенки и пуленепробиваемые стекла тех машин. Я уже знаю, кто в этих машинах за

железными стенками и пуленепробиваемыми стеклами сидит в наручниках или, связанный ремнями, лежит там на носилках.

Да, можно сказать так: я живу, как все, моя хата с краю. Достаточно и того, что я никому не причиняю зла.

Но неужели мы живем только для этого – чтобы не делать зла? Какую же тогда убогую, несчастную, пустую жизнь нам уготовил Бог!..

Включили свет. Чтение псалмов закончилось. Несколько человек вышли. А оставшиеся выстроились в очередь на исповедь.

Я пригляделся к людям, ожидавшим священника. Нет, не может быть!

...Он стоял в очереди к покаянию. Покосился на меня подозрительно. Он был неухожен – взлохмачен, в старых джинсах и помятой футболке. Он видел, что я узнал его. Но стоял, не двигаясь, не сводя с меня глаз.

Запах старой одежды, резкий запах горя, психбольниц и бродяжничества проник в мои ноздри...

Иван! Иван!

.....

Мы долго гуляли по городу, разговаривали. Был чудесный майский вечер. Ни мне, ни Ивану не хотелось прощаться и ехать домой.

Спустившись к набережной, мы вышли на пирс, где несколько рыбаков ловили рыбу. Уже стемнело. На противоположном берегу сверкали небоскребы Манхэттена.

Я стоял, облокотившись на железные перила. Припомнил тот день, когда готовился к совещанию, на котором должно было обсуждаться дело Ивана.

Иван, распрямив спину, смотрел куда-то вдаль.

– Если бы я вам, Герман, рассказал про свою жизнь после того ужасного дня в операционной, когда я совершил убийство... Нет, хватит об этом! – он передернул плечами. Затем приблизил ко мне лицо и зашептал. – Понимаете, я

поверил в Божью любовь! Я могу спастись только Его любовью. Мы все, все можем спастись только Его любовью! Ведь если бы Бог не любил нас и не прощал, то... – голос его дрогнул.

Возникла долгая пауза.

– Иван, – начал я наконец. – Простите меня за тот мерзкий поступок с деньгами.

– Перестаньте! – перебил он. – Если бы не вы, где бы я был сейчас? Вы – врач, настоящий врач! – он схватил мою руку и стиснул ее так, что я едва не вскрикнул от боли.

Комментарии автора

* Непонятно, почему именно этой птице – кукушке, а не, скажем, журавлю или вороне, выпала честь угнездиться в американском психиатрическом сленге. Так, психически больного на жаргоне называют – ку-ку; психиатра – ку-ку доктор; психбольницу – ку-ку хауз или гнездо кукушки.

** В США в области психиатрии специалисты разделяются на психиатров, психоаналитиков, психологов и психотерапевтов. Главное различие между ними заключается в том, что только психиатр имеет право выписывать лекарства. Остальные же помогают пациентам исключительно **словом**.

*** Лечение в психиатрических амбулаторных клиниках не надо путать с **модой** на психотерапию, когда состоятельный человек может себе позволить роскошь иметь своего психотерапевта так же, как, скажем, персонального парикмахера или тренера в фитнес-клубе.